

Уже миновала полночь. Оба они были стариками, так как же им было не устать? Но старая госпожа Цзи лишь улыбнулась, не произнеся ни слова.

Цзи Вэнцзи опустил голову и взглянул на написанный им иероглиф. Его взгляд замер, и он внезапно онемел.

Вся рисовая бумага была до отказа испещрена одним-единственным иероглифом — «Чжао».

Цзи Вэнцзи откинулся на спинку кресла и, глядя на листок, усыпанный иероглифами «Чжао», указал пальцем и спросил старую супругу:

— Как думаешь, госпожа, что за иероглиф я написал?

— Похоже на «Чжао».

— Верно, «Чжао». Но чей же это «Чжао»? Чжао Шана, Чжао Цзина, Чжао Цзи... Не Чжао Ао точно. Может быть, Чжао Фу?

Старая госпожа Цзи изменилась в лице. Хотя она и была женщиной, проводившей жизнь в покое, но знала, что Чжао Фу — это имя нынешнего императора.

— Муж мой!

— Или все же Чжао Сюань?

Внезапно Цзи Вэнцзи поднялся и потянулся за одеждой. Старая госпожа Цзи поспешила за ним:

— Что ты собираешься делать?

Канцлер Цзи усмехнулся:

— Во дворе стучат в двери. Неужели ты не слышишь, госпожа?

Старая госпожа Цзи не знала, что именно произошло, но слышала доносившиеся всю ночь звуки битвы, охватившей весь город. Ее глаза покраснели, и она с упреком пробормотала:

— Неужели нельзя просто не выходить?

Говоря это, она помогала Цзи Вэнцзи поправить одежду.

— И да, и нет.

— Как так?

Цзи Вэнцзи громко рассмеялся, бережно взял шершавые руки жены и произнес с нежностью:

— За эти пятьдесят с лишним лет тебе пришлось несладко, госпожа. Жизнь в Шэнцзине не из легких. Я помню, у нас дома еще осталась земля.

— К чему ты вспомнил об этом?

— Просто к слову пришлось.

Старая госпожа Цзи лично проводила канцлера Цзи к дверям. Увидев, что он собирается

отворить ворота, она не удержалась и снова спросила:

— Ты действительно должен идти?

Канцлер Цзи пристально посмотрел на жену:

— Действительно. Непременно.

— Почему?

Канцлер Цзи от души рассмеялся:

— Будь это далеко, я бы закрыл глаза, но если все происходит на моих глазах, как я могу допустить, чтобы это повторилось снова!

В следующее мгновение канцлер Цзи отворил ворота усадьбы. Люди Четвертого принца Чжао Цзина и Пятого принца Чжао Цзи уже долгое время ждали снаружи, и внезапное появление Цзи Вэнцзи застало их врасплох.

Канцлер Цзи, облаченный в темно-красное чиновничье одеяние, окинул присутствующих взглядом. Он излучал невольное величие и суровость:

— В дворец.

— Слушаемся!

В этот час во дворце Великой Сун ярко горели огни и со всех сторон доносился звон оружия.

Бесчисленные императорские гвардейцы с факелами и копьями настороженно патрулировали территорию. Посреди царившей смуты и хаоса фигура в черном плаще незаметно проскользнула в Дворец Цзинсинь, расположенный в северо-восточном углу дворцового комплекса. Дворец Цзинсинь был возведен императором в прошлом году специально для хранения статуй Будды.

Войдя в залу, человек в черном откинул капюшон. Второй принц Чжао Шан, давно ждавший его внутри, разглядел его лицо и поспешно шагнул навстречу.

— Мастер, что происходит? Что стряслось снаружи? Отчего вдруг начался этот хаос? Неужели произошла беда?

Чжао Шан обливался потом от волнения. Император запер его в Дворце Цзинсинь, и он никак не мог выбраться наружу — в полном отчаянии и беспомощности. Этим вечером, поужинав постной пищей, он собрался переписывать сутры для Вдовствующей императрицы. Однако успел дописать лишь до середины, как снаружи раздались звуки жестокой схватки. Чжао Шан перепугался до смерти, решив, что Чжао Фу приказал схватить его и казнить. Но, просидев за колонной полчаса в страхе, он так никого и не дождался, пока наконец не появился Шаньтин.

Лицо Шаньтина не выражало ни печали, ни радости. Он сложил ладони в буддийском приветствии и плавно произнес:

— Ваше Высочество, действительно случилась беда. Его Величество тяжело болен и прикован к постели уже более трех дней. Сегодня один из принцев поднял мятеж, и сейчас они, похоже, уже пробиваются к воротам дворца.

Чжао Шан потрясенно вытаращил глаза:

— Дворцовый переворот?!

Голос Шаньтина прозвучал словно из тумана:

— Да, силовой захват власти.

— Как он смеет! — прорычал Чжао Шан. — Кто это? Чжао Цзин или Чжао Цзи? Как они посмели пойти на такое дерзкое святотатство?

— Бедный монах того не ведает.

Едва он произнес эти слова, как издалека снова донесся лязг скрестившихся копий и алебард. Чжао Шан вздрогнул и дрожащим голосом спросил:

— И что же нам теперь делать?

Император заточил его в Дворце Цзинсинь, советников рядом не было, и сейчас Чжао Шан окончательно растерялся, не ведая, как поступить.

Но сомнений не было: кто бы ни затеял мятеж — Чжао Цзин или Чжао Цзи, — добившись успеха, они ни за что не оставят в живых своего второго старшего брата.

Чжао Шан даже подумал: «Не повесят ли они на меня позорное клеймо организатора дворцового переворота?»

Он сжал кулаки, сгорая от желания собственными руками застрелить из лука дерзкого брата-мятежника.

Однако на нем не было доспехов, и он не то что не мог разгромить бунтовщиков — он даже не имел возможности сбежать из дворца. Пока Чжао Шан сгорал от тревоги, Шаньтин произнес:

— Его Величество тяжело болен, и императорская гвардия во дворце осталась без предводителя. Лишь Второй принц может дать отпор врагу.

— Я?

— Именно. Вы — принц, и кроме вас никто не вправе приказать трем тысячам императорских гвардейцев. Ваше Высочество, более нельзя медлить. Поспешите к Вратам Чжаодэ и остановите мятежников, пока они не ворвались во дворец.

В груди Чжао Шана вспыхнула решимость:

— Мастер прав, нельзя просто сидеть и ждать смерти!

Тяжелые двери Дворца Цзинсинь с грохотом распахнулись. Чжао Шан шагнул за порог и увидел командира императорской гвардии Жуань Фэна, ожидавшего у входа. Второй принц обернулся к Шаньтину и с признательностью произнес:

— Благодарю вас, мастер! Пока я жив, бунтовщики не сделают и шага во дворец к моему венценосному отцу!

Жуань Фэн опустился на одно колено. Склонив голову, он скрыл выражение лица в ночной

тьме:

— Прошу, отдайте приказ, Ваше Высочество.

Взгляд Чжао Шана стал твердым:

— Откуда наступают мятежники?

— У Врат Чжаодэ.

— Отлично! Тогда следуйте за мной, к Вратам Чжаодэ! Мы сокрушим предателей прямо там!

Ночной мрак сгустился, словно поглощающий людей лютый зверь, тяжким грузом давя на сердца. За Вратами Чжаодэ Четвертый принц Чжао Цзин и Пятый принц Чжао Цзи во главе отрядов Приказа войск и коней Пяти городов яростно штурмовали дворцовые ворота. С надвратной башни гвардейцы осыпали их тучей огненных стрел, сдерживая этот ураганный натиск.

Впрочем, когда Основатель династии возводил императорский дворец Великой Сун, он не задумывал его как неприступную крепость. Шэнцзин был столицей государства: если враг пробился к самому дворцу, какой смысл удерживать крепостные стены? Это означало бы, что город уже пал! Поэтому три тысячи гвардейцев у Врат Чжаодэ постепенно теряли силы, и перевес оказывался на стороне принцев.

Чжао Цзин процедил сквозь зубы:

— Этот изверг Чжао Шан не только сговорился с демоническим монахом Шаньтином, но еще и склонил на свою сторону гвардию! Отец-император сейчас в заточении, боги знают, что с ним!

Чжао Цзи отозвался:

— Мы братьями стоим плечом к плечу! Давай же вместе срубим голову Чжао Шану, что скажешь?

— Разумеется!

Чжао Цзи отдал приказ:

— Вперед! Взять Врата Чжаодэ!

Воины бросились вперед, с яростным ревом штурмуя величественные ворота.

Гвардейцы на стенах выбивались из сил, и содрогавшиеся ворота вот-вот готовы были пасть. Глаза Чжао Цзина и Чжао Цзи азартно блеснули, они украдкой обменялись взглядами. Хотя оба они стремились покарать Чжао Шана, то, кто первым ворвется во дворец и спасет Его Величество, имело решающее значение. Никто не хотел уступать грандиозную заслугу сопернику — борьба за нее должна была вспыхнуть в ту же секунду, как рухнут ворота.

Грохот!

Раздался оглушительный удар: содрогнулись высокие ворота, еще один напор — и их пробьют насквозь.

Чжао Цзин и Чжао Цзи затаили дыхание, готовясь ворваться во дворец. Но тут со стороны

города подошел еще один отряд. Оба принца одновременно повернулись и, узнав прибывшего, просияли от радости.

— Левый канцлер!

Цзи Вэнцзи сидел верхом на коне, и от долгой тряски его старые кости едва не рассыпались. Вглядываясь вдаль на поврежденные Врата Чжаодэ, он словно в смутном сне увидел за ними другие ворота. Его старые, но еще острые глаза пронзили пространство и разглядели заставших все за воротами многочисленных лучников в засаде.

Темная ночь была глубока, словно сон, длившийся многие годы.

Цзи Вэнцзи очнулся от воспоминаний:

— Четвертый принц, Пятый принц.

Чжао Цзин гневно воскликнул:

— Изменник Чжао Шан дерзнул учинить дворцовый переворот! Прошу Левого канцлера войти во дворец вместе со мной и своими руками карать предателя!

Чжао Цзи поспешно добавил:

— Прошу Левого канцлера ступить во дворец вместе со мной и срубить голову Чжао Шану!

Воины Приказа войск и коней Пяти городов наступали, их сокрушительный клич сотрясал небеса. Однако Чжао Цзин и Чжао Цзи даже не подозревали, что за этими изреченными Вратами Чжаодэ Второй принц Чжао Шан во главе императорской гвардии уже расставил лучников, поджидающих возможности уничтожить мятежников.

<http://bllate.org/book/18292/1757487>